

АЗБУКА
БЕСТСЕЛЛЕР

Книги
Кристины Бейкер Клайн:

Поезд сирот

Изгнанницы

Кристина Бейкер
Клайн

ИЗГНАННИЦЫ

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
К 47

Christina Baker Kline
THE EXILES

Copyright © 2020 by Christina Baker Kline
Published by arrangement with Custom House/William Morrow,
an imprint of HarperCollins Publishers
All rights reserved

Перевод с английского Татьяны Савушкиной

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-19026-9

© Т. А. Савушкина, перевод, 2021
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

*Посвящается
Хейдену, Уиллу и Эли*

И пусть не говорят, что прошлое мертво:
Оно повсюду — и вокруг, и в сердце нашем.

*Уджеру Нунуккал,
австралийская поэтесса-абориген*

ПРОЛОГ

Остров Флиндерс, Австралия, 1840 год

К тому времени, когда начались дожди, Матинна уже почти два дня пряталась в буше. Ей было всего восемь, и она мало что умела, но как затеряться, пропасть из виду, знала. Едва научившись ходить, девочка исследовала каждый уголок Вилабенны, удаленного поселения на острове Флиндерс, куда ее народ был изгнан еще до рождения Матинны. Она носилась вдоль гранитной гряды, протянувшейся по верхушкам холмов, рыла ходы в сахарных дюнах на пляже, играла в прятки среди зарослей и кустарников. Знала всех животных: поссумов, валлаби и флиндерсов — маленьких кенгуру, которые жили в лесу и выходили только по ночам; тюленей, которые нежились на скалах и, перекатываясь, соскальзывали в волны прибоя, чтобы охладиться.

Тремя днями ранее в Вилабенну на корабле прибыли губернатор Джон Франклин и его супруга, леди Джейн; они проделали путь более чем в двести пятьдесят миль от своей резиденции, расположенной на острове Лутрувита — или Земле Ван-Димена¹, как его называли белые. Матинна и другие дети стояли на гряде, пока губернатор с женой поднимались с пляжа в сопровождении полудюжины слуг. Леди Франклин было тяжело идти в блестящих ат-

¹ *Земля Ван-Димена* — первоначальное название острова Тасмания, использовавшееся европейскими исследователями и переселенцами. — *Здесь и далее примеч. перев.*

ласных туфельках: она то и дело поскользывалась на камнях. Крепко вцепившись в руку мужа, женщина нетвердой походкой шла к ним с таким кислым выражением лица, будто проглотила кусочек артишока. Морщины на ее шее напомнили Матинне розовые мясистые сережки медососа.

Прошлым вечером старейшины палава¹, собравшись вокруг костра, обсуждали предстоящий визит губернатора. Христианские миссионеры готовились к нему много дней. Детям наказали выучить танец. Матинна сидела в темноте на краю круга, как делала часто, и слушала разговоры, которые старейшины вели, оципывая буревестников и жаря на тлеющих углях моллюсков. Джон Франклин и его жена, по общему мнению, были людьми порывистыми, взбалмошными и довольно глупыми; ходило много историй об их диковинных, своеобразных до странности начинаниях. Леди Джейн, например, до смерти боялась змей. Однажды она надумала платить по шиллингу за каждую принесенную ей мертвую змею, что, понятное дело, вызвало настоящий ажиотаж. Нашлось немало желающих подзаработать на разведении рептилий, так что это стоило сэру Джону небольшого состояния. В прошлом году супруги посетили Флиндерс с целью пополнить свою коллекцию черепами аборигенов — подумать только, они отрубали трупам головы, а затем отваривали их, чтобы отделить плоть от костей.

Джордж Робинсон, англичанин с лошадиной физиономией, бывший главой поселения на Флиндерсе, жил со своей женой в кирпичном доме, стоящем в полукруге из восьми кирпичных зданий, где размещались комнаты для прислуги, изолятор

¹ *Палава* — самоназвание коренного населения острова Тасмания.

и диспенсарий¹. За ними находилось двадцать хижинок для палата. Первую ночь после своего приезда сэръ Джон и леди Джейн провели в доме Робинсонов. На следующий день рано утром они осмотрели поселение, пока их слуги раздавали бусы, бисер и носовые платки. После полуденного обеда туземцев позвали развлекать гостей. Чета Франклинов восседала на двух стульях красного дерева на открытом песчаном участке перед кирпичными домами, и на протяжении следующего часа или около того несколько здоровых мужчин-палата были вынуждены разыгрывать бой и соревноваться в метании копий. Затем к гостям торжественно вывели детей.

Пока Матинна танцевала на белом песке в кругу с другими детьми, леди Франклин наблюдала за ней с задумчивой улыбкой.

Будучи дочерью вождя племени лоурини, Матинна давно привыкла к повышенному вниманию со стороны окружающих. Несколько лет назад ее отец, Тоутерер — как и многие другие аборигены, насильственно переселенные на Флиндерс, — умер от чахотки. Матинна гордилась тем, что была дочерью вождя, но, по правде говоря, отца толком не знала. Ее еще трехлетней малышкой отправили из родительской хижины в кирпичный дом, где она жила вместе с белой учительницей, которая заставляла девочку носить чепец и платья на пуговицах, учила воспитанницу говорить, читать и писать по-английски, правильно держать нож и ложку. Но Матинна все равно каждый день старалась проводить как можно больше времени со своей матерью Ванганип и другими соплеменниками, из которых

¹ *Диспенсарий* — учреждение, бесплатно раздающее бедным лекарства.

почти никто не знал английского языка и не соблюдал британские обычаи.

А несколько месяцев тому назад мама умерла. Ванганип всегда ненавидела Флиндерс. Она часто забиралась на остроконечный холм близ поселения и глядела через бирюзовое море в сторону своей родины, лежащей в шестидесяти милях отсюда. «Какое ужасное место, — говорила она Матинне, — этот бесплодный остров, где ветер дует так сильно, что выворачивает из земли овощи и раздувает маленькие огоньки до адского пламени, а деревья сбрасывают кору, словно змеи шкуру». По словам матери, Флиндерс не имел ничего общего с землей ее предков. Лежал проклятьем на ее душе. На душах их всех. Их соплеменники постоянно болели; большинство детей, рождавшихся на острове, умирали, не дожив и до года. Народу палача пообещали землю, где царят мир и изобилие; если они будут делать, что велено, утверждали британцы, им позволят жить так, как раньше. «Но все это оказалось враньем. Сплошным враньем, в которое мы так глупо поверили, — горько вздыхала Ванганип. — А что нам оставалось? Англичане и так уже все забрали себе».

Заглядывая в лицо матери, Матинна видела в ее глазах гнев. И все же сама девочка не испытывала ненависти к острову. Флиндерс был единственным домом, который она знала в своей жизни.

— Подойди, дитя, — произнесла супруга губернатора после окончания танцев, поманив малышку пальцем.

Когда Матинна послушно приблизилась, леди Франклин, внимательно ее рассмотрев, повернулась к мужу.

— Какие выразительные глазки! И личико прелестное, тебе так не кажется? На редкость симпатичное для туземки.

Сэр Джон пожал плечами:

— Честно говоря, для меня они все на одно лицо.

— Интересно, получится ли привить ей правильные манеры, дать воспитание?

— Она живет в доме школьного учителя, и тот обучает ее английскому, — сказал Робинсон, выступая вперед. — Девочка уже неплохо разговаривает.

— Как интересно. А где ее родители?

— Она сирота.

— Вот, значит, как. — Жена губернатора снова повернулась к Матинне. — Скажи что-нибудь.

Матинна изобразила книксен. Заносчивая грубость англичан уже не вызывала у нее удивления.

И уточнила:

— Что прикажете сказать, мэм?

Глаза леди Франклин округлились.

— Бог мой! Я впечатлена, мистер Робинсон. Да вы обращаете дикарей в добропорядочных граждан.

— Поговаривают, что в Лондоне орангутангов обряжают на манер джентльменов и учат читать, — задумчиво произнес сэр Джон.

Что такое орангутанг, Матинна не знала, но слышала, как, сидя вокруг костра, старейшины говорили о дикарях — английских китобоях и тюленщиках, которые жили, словно звери, и чихать хотели на правила приличия. Леди Франклин, должно быть, что-то напутала.

— Здесь немного другая история, — со смешком возразил Робинсон. — Аборигены, как ни крути, все-таки люди. Наша теория заключается в том, что, меняя внешние обстоятельства, можно изменить и личность человека. Мы приучаем их к нашей пище, нашему языку. Наполняем их души христианской верой. Вот поглядите: туземцы теперь и одежду носят. Мужчинам мы остригли волосы, а женщинам внушили представление о скромности. Чтобы

перемены проходили легче, дали им христианские имена.

— Я так понимаю, смертность среди них довольно высокая, — заметил сэр Джон. — Из-за деликатной конституции.

— Весьма досадное, но неизбежное обстоятельство, — подтвердил Робинсон. — Мы вывели туземцев из буша, где они не ведали ни Бога, ни даже того, кто сотворил их деревья. — Он хихикнул и уже более серьезно продолжил: — Не следует забывать, что все мы рано или поздно умрем, но прежде должны вознести Господу молитвы, позаботившись о спасении своей души.

— Совершенно верно. Вы оказываете дикарям большую услугу.

— Как зовут вот эту? — поинтересовалась леди Франклин, снова обращая свое внимание на Матинну.

— Мэри.

— А как ее звали изначально?

— Изначально? Аборигены называли ее Матинной. Миссионеры окрестили Ледой. Мы остановились на чем-то не столь... вычурном, — ответил Робинсон.

Девочка не помнила, чтобы ее окрестили Ледой, а вот имя Мэри мама просто терпеть не могла, поэтому папава наотрез отказывались его использовать. Так Матинну называли только англичане.

— Ну что ж, по-моему, она прелестна, — сказала леди Франклин. — Я бы хотела оставить ее себе.

Оставить себе? Матинна попыталась поймать взгляд Робинсона, но тот словно бы не замечал ее стараний.

Сэр Джон выглядел слегка удивленным:

— Ты намерена забрать ее к нам домой? После того, что случилось с твоим последним приобретением?

— На этот раз все сложится по-другому. Тимео был... — Леди Франклин вздохнула и покачала головой. — Вы сказали, девочка сирота? — уточнила она, оборачиваясь к Робинсону.

— Да. Ее отец был вождем племени. Мать, овдовев, снова вышла замуж, но недавно тоже умерла.

— Получается, она принцесса?

Робинсон слегка улыбнулся:

— Пожалуй, в каком-то смысле.

— Хм-м... — Леди Джейн повернулась к мужу. — Ну так что, ты не против?

Сэр Джон благосклонно улыбнулся.

— Если тебе угодно развлечься подобным образом, моя дорогая, то полагаю, вреда от этого не произойдет.

— Мне думается, будет занятно.

— А если нет, мы всегда можем отправить девочку обратно.

Матинна не хотела покидать остров с этими вздорными людьми. Не желала расставаться со своим отчимом и другими старейшинами. С какой стати ей вдруг уезжать в какое-то новое, незнакомое место, где ее никто не знает и не любит? Ухватив Робинсона за руку, она прошептала:

— Пожалуйста, сэр. Я не...

Грубо выдернув руку, он обратился к чете Франклинов:

— Мы сделаем необходимые приготовления.

— Замечательно. — Леди Франклин склонила голову набок, оценивая девочку. — Значит, Матинна? Я бы предпочла звать ее так. Тем сильнее будет удивление окружающих, если она усвоит манеры, приличествующие леди.

Позже, когда сопровождающие губернатора отвлеклись, Матинна юркнула за кирпичные дома, возле которых сейчас собралось множество народу. Она так и не сняла церемониальную накидку из

шкур валлаби, которую подарил ей перед смертью отец, и ожерелье из крохотных зеленых ракушек, сделанное матерью. Пробираясь через заросли травы валлаби¹, чувствуя голенями ее шелковое касание, девочка слушала брешущих собак и курравонгов, упитанных черных птиц, которые при приближении дождя издавали залиvistые трели и хлопали крыльями. Вдыхала знакомый аромат эвкалипта. Скользнув в буш, начинающийся сразу за расчищенным участком, Матинна подняла глаза и увидела, как в небо извергается гейзер тонкоклювых буревестников.

¹ Имеется в виду дантония длиннолистная.

ЭВАНДЖЕЛИНА

Я не помню ни одного случая, чтобы какая-либо вышедшая на свободу преступница оказалась добропорядочной женщиной. И считаю своим долгом рассказать об их явных и постыдных пороках. Просто невысказано, насколько все эти особы дерзкие и жестокие, даже свирепые. Они являются мировой язвой, гангреной колониального общества, таким поношением человеческой природы, позором всему живому, ибо дикие звери — и то лучше.

Джеймс Муди.

*Преступники Нового Южного Уэльса:
Правдивое отображение истинной
романтики жизни на побережье
Ботанического залива. 1837*

Сент-Джонс-Вуд, Лондон,
1840 год

Все еще пребывая в глубинах беспокойного сна, Эванджелина услышала стук. Открыла глаза. Тишина. Потом еще более настойчивое: тук-тук-тук.

Пол пересекал узкий луч света, который проникал через окошко, расположенное высоко над ее кроватью. Девушку охватило смятение: судя по всему, она проспала утренний колокол.

Прежде с нею еще ни разу не случалось ничего подобного.

Эванджелина села, но, почувствовав тошноту, откинулась обратно на подушку.

— Одну минуту.

Рот наполнился слюной, и она сглотнула.

— Дети ждут! — В голосе горничной звенело возмущение.

— Который теперь час, Агнес?

— Так уж полдесятого!

Эванджелина снова села, стягивая с себя простыни. К горлу поднялась желчь, и на этот раз удержать ее не удалось; девушка свесилась с кровати, и ее вырвало прямо на сосновый пол.

Ручка повернулась, и дверь распахнулась. Эванджелина подняла беспомощный взгляд на Агнес, которая, сморщив нос, с неодобрением смотрела на вязкую желтую лужицу у своих ног.

— Дай мне всего одну минуту. Пожалуйста. — Она вытерла рот рукавом.

Агнес не сдвинулась с места.

— Никак траванулась? Небось съела чой-то не то?

— Да вроде бы нет.

— Лихорадит?

Эванджелина прижала руку ко лбу: прохладный и влажный. Отрицательно покачала головой.

— И давно тебе поплохело?

— Да вот только сегодня утром.

— Хм. — Служанка поджала губы.

— Ничего страшного, просто... — Эванджелина почувствовала, как у нее скручивает живот. С усилием сглотнула. — Со мной все нормально.

— Да какое там нормально! А то я не вижу. Пойду-ка доложу миссис Уитстон, что уроков нынче не будет.

Агнес коротко кивнула и развернулась, чтобы уйти, но вдруг замерла, прищурившись в сторону комода.

Эванджелина проследила направление ее взгляда. Сверху на крышке, рядом с овальным зеркалом, сиял в солнечном свете перстень с рубином, пятная багрянцем белый носовой платок, на котором он лежал.

Сердце девушки сжалось. Прошлой ночью она любовалась перстнем при свете свечи и по глупости забыла его спрятать.

— Отколева он у тебя? — спросила Агнес.

— Это... подарок.

— И от кого ж?

— Э-э-э... от одного родственника.

— Да ну? Вроде как твои все уже померли?

Агнес прекрасно знала, что никаких родственников у Эванджелины не имелось. Она и в гувернантки-то подалась потому, что больше идти было некуда.

— Это... фамильная драгоценность.

— Чтой-то я его на тебе прежде не видала.

Девушка опустила ноги на пол:

— Можно подумать, что мне часто подворачивается повод поцеголять фамильными драгоценностями! И вообще, что ты ко мне прицепилась? — в нарочито грубоватой манере ответила она. — А сейчас оставь меня, пожалуйста. И не надо отменять занятия. Со мной все в полном порядке. Через четверть часа буду готова встретиться с детьми в библиотеке.

Агнес строго на нее взглянула, после чего вышла из комнаты, плотно закрыв за собой дверь.

Потом Эванджелина станет прокручивать в голове этот момент с дюжину раз: что надо было сказать или сделать, чтобы сбить горничную со следа? Пожалуй, ничего бы не помогло. Агнес всегда ее недолюбливала. Будучи лишь несколькими годами старше Эванджелины, она проработала у Уитстонов без малого десять лет и задирала нос, относясь к гувернантке с высокомерной снисходительностью. Вечно попрекала ее за незнание правил или за непонимание того, как тут все устроено.

Когда Эванджелина доверилась помощнику дворецкого, единственному своему союзнику во всем доме, сказав, что никак в толк не возьмет, чем заслужила столь явное презрение со стороны Агнес, тот в ответ лишь покачал головой:

— Ну же, не будь такой наивной. До твоего появления Агнес была здесь единственной свободной девушкой. А сейчас все внимание обращено на тебя — в том числе и молодого господина, который раньше амурничал с горничной, ну или ей так казалось. Да к тому же работа у тебя нетяжелая.

— Вот уж не согласна!

— Однако никакого сравнения с тем, чем занимается Агнес, так ведь? Мало радости от рассвета до заката стирать в щелоке белье да опорожнять ночные горшки. Тебе платят за то, что ты знаешь, а не за то, что просто спину гнешь. Неудивительно, что она на тебя взъелась.

Эванджелина поднялась с кровати и, осторожно обойдя лужицу, подошла к комоду. Взяв перстень с рубином, поднесла его к окну, с тревогой отмечая про себя, как он притягивает и преломляет свет. Оглядела комнату. Где же его спрятать? Под матрасом? Внутри наволочки? Открыв нижний ящик комода, девушка сунула перстень в карман старого платья, запрятанного под несколько вещей поновее.

По крайней мере, Агнес не обратила внимания на белый носовой платок, на котором лежал перстень. А ведь на нем в уголке были затейливо вышиты инициалы «С. Ф. У.», означавшие «Сесил Фредерик Уитстон» — и приметный фамильный герб. Эванджелина заткнула платок за пояс нижней юбки и принялась за уборку.

Миссис Уитстон неожиданно заявила в библиотеку, когда дети по очереди читали вслух букварь. Оба с удивлением подняли головы. Их мать не имела обыкновения ни с того ни с сего прерывать занятия.

— Мисс Стоукс, — непривычно повелительным тоном проговорила хозяйка, — прошу завершить урок по возможности безотлагательно и встретиться со мной в гостиной. Нед, Беатрис, — обратилась она к детям, — миссис Гримсби приготовила на сладкое кое-что особенное. Как только закончите, можете пройти на кухню.

Дети с любопытством переглянулись.

— Но мы всегда спускаемся на чай вместе с мисс Стоукс, — сказал Нед.

Мать скупно ему улыбнулась:

— Я совершенно уверена, что вы не заблудитесь.

— Мы наказаны? — уточнил мальчик.

— Разумеется, нет.

— А мисс Стоукс? — поинтересовалась Беатрис.

— Что за нелепый вопрос.

Эванджелина почувствовала укол безотчетного страха. А дети все не унимались:

— А что приготовила миссис Гримсби?

— Бисквитный кекс, да?

— Скоро сами узнаете. — И миссис Уитстон вышла из библиотеки.

Эванджелина глубоко вздохнула.

— Давайте-ка все же закончим этот раздел, хорошо? — проговорила гувернантка несколько рассеянно, да и брат с сестрой все равно уже отвлеклись на мысли о кексе. Стоило Неду нараспев дочитать свой абзац про лодки, она улыбнулась и сказала: — Ну хорошо, дети, достаточно. Можете бежать пить чай.

А сама отправилась в гостиную.

Там Эванджелину ждал сюрприз: рубиновый перстень, сверкавший в сиянии светильников на китовом жире внутри сумрачной гостиной. Миссис Уитстон держала его перед собой на вытянутой руке, словно находку, добытую во время игры в поиски сокровищ.

— Откуда он у тебя? — Хозяйка отбросила церемонии и перешла на «ты».

Гувернантка скрутила уголок своего фартука — старая детская привычка.

— Я не крада его, если вы на это намекаете.

— Я ни на что не намекаю. Я задаю тебе вопрос.

Услышав шум за спиной, Эванджелина обернулась и вздрогнула при виде констебля, стоявшего в тени за креслом. Глаза выхватили из полумрака вислые усы, черный облегающий жилет и дубинку в кобуре; в руках у полицейского были блокнот и карандаш.

— Сэр, — проговорила девушка, приседая в книксене. Сердце ее билось так громко, что она боялась, как бы блюститель порядка не услышал его стук.

Констебль склонил голову, делая в блокноте какую-то пометку.

— Это кольцо было обнаружено в твоих вещах, — сказала миссис Уитстон.

— Вы... Вы обыскивали мою комнату?

— В этом доме ты находишься в услужении. У тебя нет здесь своей комнаты.

Эванджелине было нечего на это возразить.

— Агнес заметила кольцо на комодe, когда заходила, чтобы справиться о твоem самочувствии. Не станешь же ты это отрицать. А потом ты его спрятала. — Снова выставив перед собой украшение, миссис Уитстон посмотрела мимо Эванджелины на констебля. — Этот перстень — собственность моего мужа.

— Неправда. Он принадлежит Сесилу, — вырвалось у Эванджелины.

Констебль переводил взгляд с одной женщины на другую:

— Сесилу? А кто это?

Хозяйка бросила на гувернантку косой взгляд:

— Молодой мистер Уитстон. Мой пасынок, сын мужа от первого брака.

— Вы согласны с тем, что это перстень вашего пасынка? — Когда констебль говорил, его усы под носом-картошкой подергивались.

Миссис Уитстон с натянутой улыбкой ответила:

— Ну, это фамильная драгоценность, ранее принадлежавшая моей покойной свекрови. Пожалуй, можно поспорить относительно того, кто унаследовал перстень — мой муж или его старший сын. Но мисс Стоукс совершенно точно не имеет к кольцу никакого отношения.

— Сесил мне его подарил, — возразила Эванджелина.

И вспомнила, как всего несколькими днями ранее молодой человек вытащил из кармана маленькую, обтянутую синим бархатом коробочку и положил ей на колено:

— Открой.

Девушка удивленно на него посмотрела. Судя по всему, внутри находилось кольцо. Неужели? Немыслимо, конечно, и все же... Она позволила мелькнуть проблеску надежды. Разве Сесил не уверял ее постоянно, что она красивее, очаровательнее, умнее любой женщины его круга? Разве не твердил, что плевать хотел на то, что скажут его родственники и высшее общество?

Эванджелина открыла крышку, и у нее аж дыхание перехватило: золотой ободок тонкой и богатой работы, с четырьмя лапками, удерживающими багровый камень.

— Это рубин моей бабушки, — пояснил молодой человек. — Она оставила мне его после своей смерти.

— Ах, Сесил. Он просто великолепен. Так, значит, ты...

— О, нет-нет! Давай не будем спешить, — перебил он ее со смешком. — Пока мне вполне достаточно видеть его на твоей руке.

Когда Сесил извлек перстень из коробочки и надел его Эванджелине на палец, этот жест показался

ей одновременно будоражаще интимным и странным образом сковывающим. Она никогда еще не носила колец; ее покойный отец, викарий, придерживался на сей счет пуританских взглядов. Сесил мягко склонил голову к руке девушки и приник к ней в поцелуе. Потом защелкнул бархатную коробочку, сунул ее в карман жилета и вытащил белый носовой платок:

— Заверни в него кольцо и спрячь подальше, пока я не вернусь с отдыха. Пусть это будет нашей с тобой тайной.

Эванджелина вынырнула из приятных воспоминаний и вновь оказалась в гостинной, в компании констебля.

Миссис Уитстон презрительно фыркнула:

— Какая нелепость! Да с какой такой стати Сесилу вдруг дарить тебе... — И умокла. Впиалась в гвернантку пристальным взглядом.

Эванджелина сообразила, что сболтнула лишнее. «Пусть это будет нашей с тобой тайной». Но Сесил сейчас далеко. А она чувствовала себя загнанной в угол, пребывала в отчаянии. И, защищаясь, выдала самый что ни на есть настоящий секрет.

— А где молодой мистер Уитстон находится в данное время? — спросил констебль.

— За границей, — отозвалась миссис Уитстон одновременно с Эванджелиной, ответившей: «В Венеции».

— Можно попробовать с ним связаться, — продолжил полицейский. — У вас есть его адрес?

Хозяйка покачала головой:

— В этом нет необходимости. — И, скрестив на груди руки, добавила: — И так ясно, что девушка лжет.

Констебль поднял бровь:

— Подобные случаи уже бывали?

Содержание

Пролог	7
--------------	---

ЭВАНДЖЕЛИНА

Сент-Джонс-Вуд, Лондон, 1840 год	17
Ньюгейтская тюрьма, Лондон, 1840 год	35
Ньюгейтская тюрьма, Лондон, 1840 год	47
Ньюгейтская тюрьма, Лондон, 1840 год	61
Ньюгейтская тюрьма, Лондон, 1840 год	74

МАТИННА

Остров Флиндерс, Австралия, 1840 год	85
Тасманово море, 1840 год	92
Хобарт, Земля Ван-Димена, Австралия, 1840 год ..	100

ЭВАНДЖЕЛИНА

Лондонский порт, 1840 год	113
На борту судна «Медея», Лондонский порт, 1840 год	125
На борту судна «Медея», 1840 год	136
На борту судна «Медея», 1840 год	146
На борту судна «Медея», 1840 год	159
На борту судна «Медея», 1840 год	167
На борту судна «Медея», 1840 год	176
На борту судна «Медея», 1840 год	182

СОДЕРЖАНИЕ

МАТИННА

Дом губернатора, Хобарт, 1840 год	195
Дом губернатора, Хобарт, 1840–1841 годы	207
Дом губернатора, Хобарт, 1841 год	214

ХЕЙЗЕЛ

На борту судна «Медея», 1840 год	221
Хобарт, 1840 год	234
Хобарт, 1840 год	241
«Каскады», 1840–1841 годы	252
Хобарт, 1841 год	265

МАТИННА

Дом губернатора, Хобарт, 1841 год	281
Дом губернатора, Хобарт, 1841 год	291
Дом губернатора, Хобарт, 1841–1842 годы	301
Дом губернатора, Хобарт, 1842 год	308

ХЕЙЗЕЛ

Хобарт, Земля Ван-Димена, 1842 год	319
«Каскады», 1842 год	331
Хобарт, 1842 год	340
Хобарт, 1843 год	349
Хобарт, 1843 год	358
Хобарт, 1843 год	373

РУБИ

Сент-Джонс-Вуд, Лондон, 1868 год	381
Благодарности	400

Клайн К. Б.

К 47 Изгнанницы : роман / Кристина Бейкер Клайн ; пер. с англ. Т. Савушкиной. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 416 с. — (Азбука-бестселлер).

ISBN 978-5-389-19026-9

Кристина Бейкер Клайн (р. 1964) — американская писательница, ее книги издаются в 40 странах, статьи, эссе и обзоры публикуются в *New York Times*, *NYT Book Review*, *The Boston Globe*, *The San Francisco Chronicle*, *LitHub*, *Psychology Today*, *Slate*. Романы Клайн удостоены премии Новой Англии за художественную литературу, литературной премии штата Мэн и премии *Barnes & Noble Discover Award*; они были выбраны сотнями сообществ, школ и университетов — участников проекта «One Book, One Read» (*christinabakerkline.com*).

В 2013 году вышел в свет «Поезд сирот», который принес автору известность и стал бестселлером. Этот роман основан на реальных событиях американской истории — таким образом Кристина Бейкер Клайн заявила о себе как о писателе, раскрывающем примечательные, но малоизвестные грани прошлого.

Герои романа «Изгнанницы» в числе других заключенных были высланы из Англии в исправительные колонии Австралии XIX века. У этих женщин трудная судьба, они видели много горя и несправедливости, но надежда на лучшую жизнь не покидает их. Как встретит изгнанниц далекий континент? Станет ли он для них новой тюрьмой или второй родиной?..

Впервые на русском!

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

Литературно-художественное издание

КРИСТИНА БЕЙКЕР КЛАЙН

ИЗГНАННИЦЫ

Ответственный редактор Янина Жухлина
Редактор Ирина Беличева
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Ольга Попова, Людмила Дубовая
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 22.09.2021. Формат издания 84 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 20,28.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-ABA-27716-01-R